

УДК 355.01

**Н. В. Демчук**

**N. V. Demchuk**

Демчук Наталия Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и управления, КГПИ ФГБОУ ВО «КемГУ», г. Новокузнецк, Россия.

Demchuk Natalia Vladimirovna, candidate of sociological Sciences, associate Professor, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia.

## **КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В УСТНЫХ ИСТОРИЯХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

## **CULTURAL MEMORY IN ORAL HISTORIES ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR**

**Аннотация.** В статье представлены результаты анализа особенностей культурной памяти о Великой Отечественной войне, содержащиеся в устных историях - воспоминаниях очевидцев. Объектом исследования являются тексты интервью, собранные в период с 2006 по 2022 годы в Кемеровской области. Методом нарративного анализа текстов интервью с ветеранами выявлены особенности дискурса о войне, представленные через ситуации взаимодействия рассказчиков с внешней средой, ценности рассказчиков, обусловленные социально-культурной средой современного российского общества. Дискурс о Великой Отечественной войне характеризуется однотипностью высказываний, упрощенной схемой построения нарратива, однозначно понимаемыми положительными и отрицательными общественными ценностями. Это позволяет говорить о процессах мифологизации Великой Отечественной войны в сознании людей XXI века. Исследование культурной памяти методами критического дискурс-анализа текстов интервью ветеранов позволило выявить социально типичные представления о событиях прошлого, понять, какие события и ценности сохраняются в памяти людей и передаются следующим поколениям.

**Annotation.** *The article presents the results of the analysis of the features of the cultural memory of the Great Patriotic War contained in oral histories - the memories of eyewitnesses. The object of the study is the texts of interviews collected in the period from 2006 to 2022 in the Kemerovo region. The method of narrative analysis of the texts of interviews with veterans reveals the features of the discourse about the war, presented through the situations of the interaction of the narrators with the external environment, the values of the narrators, due to the socio-cultural environment of modern Russian society. The discourse about the Great Patriotic War is characterized by the same type of statements, a simplified scheme for constructing a narrative, and unambiguously understood positive and negative social values. This allows us to talk about the processes of mythologizing the Great Patriotic War in the minds of people in the 21st century. The study of cultural memory using the methods of critical discourse analysis of veterans' interview texts made it possible to identify socially typical ideas about the events of the past, to understand what events and values are stored in people's memory and passed on to the next generations.*

**Ключевые слова:** культурная память, коллективная память, нарратив, дискурс, устная история, Великая Отечественная война.

**Keywords:** *cultural memory, collective memory, narrative, discourse, oral history, Great Patriotic War.*

Актуализация общественной потребности в осмыслении знания о наиболее значимом для социума прошлом происходит в ситуации, когда непосредственных носителей аутентичного исторического опыта становится меньше. В этой связи значимой тематикой становится изучение культурной памяти о Великой Отечественной войне. Обращение к культурной памяти людей позволяет увидеть за рамками индивидуального человеческого существования социально типичное. Культурная память объясняет, как отбираются и оцениваются значимые, ключевые, субъективно достоверные элементы прошлого в рассказах людей через десятилетия после описываемых событий.

В статье исследуются особенности культурной памяти россиян о Великой Отечественной войне как пространства сохранения концептов, символов, ценностей прошлого в настоящем, передаваемые через личные рассказы и воспоминания. Воспоминания, устные рассказы очевидцев событий – важнейшие источники для исследования исторического и социального развития общества. В центре внимания – исследование опыта людей в истории, разные подходы к личностным переработкам пережитого. Субъективные свидетельства являются источником для микроистории, где свидетельство каждого отдельного человека имеет важное значение. Перспективы изучения устных историй связаны с историей сознания как индивидуализированным процессом присвоения прошлого. «Историческое сознание означает в этом контексте синхронию переработки истории, интеграцию биографического в коллективную историю как результат превращения пережитой истории в означенное переживание» [10, с. 202].

Существуют различные научные подходы к исследованию культурной или исторической памяти людей. Понятие «культурная память» используется теоретических концепциях памяти как общественного феномена. Анализ подходов к изучению исторической памяти, показывает интерес исследователей к данной проблематике и существование широкой теоретической базы.

Возможность изучения исторической памяти через устные истории опирается на теоретические работы М. Хальбвакса и Я. Ассмана, обосновавших концепты коллективной, социальной, исторической и культурной памяти. Главная идея концепции «коллективной памяти» М. Хальбвакса состоит в «социальной обусловленности запоминания и забывания» [3, с. 110]. По Я. Ассману историческая память может быть разделена на коммуникативную память и культурную память. «Коммуникативная память охватывает воспоминания современников событий, поддерживается повседневным общением в рамках индивидуальных биографий и обращена на недавнее прошлое (последние 80-100 лет)» [1].

Культурная память – культура запоминания и забывания, нацеленная на отбор и сохранение знаний о наиболее значимом для социума прошлом, принимающем форму мифа и воссоздаваемом с помощью ритуала служителями культа [3, с. 110]. Коммуникативная память – нечто большее, чем передача «памяти благодаря свидетелям событий; скорее, это такие события и связанные с ними стратегии воспоминаний, на основе которых коллективы объединяются в сложный процесс выработки дискурсивных стратегий» [10, с. 198].

О. К. Крокинская, делая обзор отечественных исследований социальной и культурной памяти, приходит к выводам, что понятие «культурная память» в качестве объяснительной категории «участвует в исследованиях этнокультурных процессов, применяется к описанию сложных фактов социальной истории России и практик сохранения культурного наследия» [7, с. 148].

Одновременно О. К. Крокинская подчеркивает, что «на общем фоне возросшего влияния конструктивистского подхода к пониманию реальности культура перестала пониматься лишь как статичное хранилище продуктов человеческой деятельности: она все более обнаруживала способность представлять в виде многочисленных общественных репрезентаций, формируемых и сменяемых в потоках «рефрейминга» – изменения социальных рамок памяти. Это позволило задать концепт культурной памяти более операционально и применять его в эмпирических социологических исследованиях» [7, с. 148]. Например, для анализа феномена и динамики исторического сознания, для отношения общества к разным историческим фактам и историческим личностям [2; 6; 11; 13].

Т. Ц. Дугарова в своём обзоре концепций исторической памяти пишет о работах Дж. Васа и Л. Романусси-Росс, рассматривавших историческую память, как часть этнической идентичности индивида или группы; о работах М. Блока, Л. Февра, П. Нора и др. разрабатывающих идеи о природе исторической памяти, ее месте и роли в историческом познании и жизнедеятельности этноса; работах Дж. Армстронга, Э. Смита, Э. Хобсбаума, исходными концептами исторической памяти для которых являются символы, под которыми понимаются осознанные представления об истоках идентичности этнической общности [3, с. 110]. Таким образом, понятие «культурная память» может быть рассмотрена как категория, позволяющая исследовать особенности работы общества с образами прошлого и будущего. Культурная память помогает реконструировать связь поколений, извлекать из обращения к прошлому элементы представления общества о себе в настоящем.

Документация военного прошлого в медийном пространстве 21 века стремится избегать конфликтности, появляется хрестоматийность изображения, стилизация, разрыв между событием и переживанием его. «Непроговоренность» всех сложных, неоднозначных событий войны в публичной сфере как ее уже дискурсивная «непрожитость» блокирует и на индивидуальном уровне готовность принять другие «правды» о войне [10, с. 207]. Основной исследовательский вопрос: насколько однородно содержание культурной памяти о Великой Отечественной войне, насколько упрощенным и целостным предстает прошлое в сознании очевидцев в настоящее время?

Целью исследования является изучение особенностей культурной памяти в дискурсе о Великой Отечественной войне в рассказах очевидцев в устных историях в начале 21 века. В исследовании выявлялись особенности дискурса о войне, представленные через ситуации взаимодействия рассказчиков с внешней средой, а также ценности рассказчиков, обусловленные социально-культурной средой современного российского общества.

Объекты исследования – тексты интервью с ветеранами Великой Отечественной войны, тружениками тыла, детьми войны, жителями блокадного Ленинграда, малолетними узниками фашистских концлагерей. Тексты в данном случае использованы для репрезентации социальной группы – людей, переживших события войны, и особенностей ситуации войны, существующей в сознании этих людей в настоящем – через 70 лет после непосредственных событий. Предмет исследования – особенности дискурса о Великой Отечественной войне в рассказах очевидцев в начале 21 века.

В качестве эмпирического материала использованы тексты автобиографических интервью очевидцев событий Великой Отечественной войны, живущих на территории Новокузнецкой агломерации (всего 56 интервью). Интервью собраны как воспоминания ветеранов великой отечественной войны, тружениками тыла, детьми войны, жителями блокадного Ленинграда, малолетними узниками фашистских концлагерей в период с 2012 по 2022 годы. Часть материалов собрана в рамках проекта Центр устной истории «Диалоги с прошлым».

Тексты воспоминаний о войне по жанру могут быть отнесены к устным историям. Устная история как метод исследования социогуманитарных процессов все больше становится востребованной не только историками, но и социологами. Устная история благодаря своей субъективности позволяет анализировать социальный опыт разных поколений и социальных групп в обществе. События, о которых рассказывается в устной истории, очень субъективны. Это рассказ о прошлом через много лет после события. На восприятие рассказчика неизбежно накладываются последующие события его жизни, интерпретация событий в непосредственном окружении и в общественном мнении через СМИ, кинофильмы, книги и т.п. В определенном смысле они являются автобиографиями героев, рассказами ветеранов о себе и своём времени. Автобиография находится в центре внимания исследователей [12], становясь источником фактов прошлого, контекстом социального опыта, показывая формы самопрезентации, характерные для разного исторического времени.

Методологией анализа текстов является критический дискурс-анализ, опирающийся на идеи Т. ван Дейка, Н. Фэрклоу, Р. Фаулера, А. Белла и других зарубежных авторов, в которых раскрыты механизмы создания дискурса на уровне лексики, нарративных структур, приемов интерпретации текста. Согласно критическому дискурс-анализу, дискурс – социальная практика, реализованная с помощью языка в устной или в письменной речи. Дискурс конструирует и поддерживает реальность как высказывающегося индивида, так и слушающего индивида. Предпосылка, на которой построено исследование, заключается в том, что из определенного содержания текста можно извлечь значения, который автор вложил в свой текст, и определить, насколько эти значения соответствуют тем значениям, который получатель слышит или читает. Дискурс – текст в контексте или событие, которое нужно описывать эмпирически [9, с. 47].

Интерес к языку как форме кодирования прошлого и в памяти как орудии власти сближает теорию культурной памяти Я. Ассмана с концепцией дискурсивных формаций М. Фуко. Дискурс, формативно воздействующий на образ мыслей и действий человека, можно интерпретировать как феномен, близкий коллективной памяти М. Хальбвакса и культурной памяти Я. Ассмана. Дискурс в современном обществе, по идее М. Фуко регулирует и контролирует человеческую деятельность, дисциплинирует поведение и является средоточием господства. В дискурсе настоящее определяется прошлым [3, с. 110].

Под культурной памятью в исследовании понимается надиндивидуальное сематическое и семиотическое образование, пространство и условия множественных коммуникаций [8], в котором сохраняются и удерживаются лишь наиболее значимые, жизненно важные для той или иной коллективной идентичности символы и смыслы – идеи, ценности, мифологемы [7, с. 149].

С позиций дискурс-анализа тексты устных историй могут быть рассмотрены как нарративы. Нарративный анализ имеют давнюю традицию в социологических исследованиях [15], позволяя привлекать к изучению социокультурных процессов различные исследовательские методики. Нарративный подход к анализу текстов интервью очевидцев Великой Отечественной войны позволяет одновременно выявить существующие в общественном сознании идеологические установки в описании прошлого и одновременно погрузиться в «живую ткань» реальных событий, реконструируемых очевидцами. Нарративы – истории с началом, серединой и концом, которые содержат вывод или некий опыт рассказчика. Повествование истории, как правило, связано с каким-то необычным событием или сложностью, которая возникла в ходе события [9].

В исследовании использована модель построения нарратива, предложенная Ж. Женетт. В данной модели нарратив может быть рассмотрен как сочетание трех аспектов: «история – повествовательное означаемое или содержание; наррация – повествовательный акт конкретной коммуникации; повествование – высказывание, повествовательный текст» [4, с. 64-66] История в текстах воспоминаний ветеранов о Великой отечественной войне показана через событийный ряд в повествовании. Способы или ситуации взаимодействия с внешней средой показаны через события в жизни героев текстов. Микро-контекст включает в себя повседневные взаимодействия с героями с людьми. Макро-контекст – взаимодействия героев с социальными институтами и организациями общества. Наррация понимается как нарративная практика. Нарративная практика – совокупность правил, приемов и средств, организующих последовательное высказывание (нарратив) в определенном предметно-тематическом поле журналистского дискурса [14, с. 113].

Для анализа наррации в текстах интервью о войне использована методика семиотического анализа нарративного дискурса А.-Ж. Греймаса, который предлагает рассматривать текст «как продукт повествователя, который излагает события» [9]. Методика позволяет выделить нарративную структуру текста. Нарративная структура показывает структуру представлений героев и рассказчиков о событиях прошлого в том виде, в каком она присутствует в данный момент в актуальной памяти. Нарративная структура – модель воспоминаний героя и одновременно модель журналистского текста, конструирующая реальность для читателя. Использование устойчивых структур для организации нарратива приводит не к информированию (ничего социально значимого не сообщается), а к воспроизведению одной модели восприятия социальной действительности [5, с. 116].

По схеме А.-Ж. Греймаса текст состоит из описания шести актантов или ролей, направляющих историю, и двух изотопов. Дестинатор – определенная сила, которая устанавливает правила и ценности в действии и представляет идеологию текста. Получатель – несет ценности, поэтому имеет отношение к объекту, на который распространяет ценности. Субъект – выполняет главную роль в повествовании. Объект – то, к чему стремится субъект повествования. Это цель, на которую направлен интерес субъекта. Помощник – поддерживающая сила, которая помогает субъекту в его стараниях. Предатель – препятствующая сила, которая олицетворяет все, что удерживает субъекта от достижения цели. Изотоп места – характеристика внешней среды, в которой разворачивается история. Изотоп времени – характеристика перемещений по оси времени.

При анализе текстов интервью выявлены особенности нарративной структуры воспоминаний о войне. Субъекты нарративов: непосредственные участники военных действий – солдаты, события в их рассказах обычно происходят на фронте; непосредственные участники военных событий – несолдаты («дети войны», малолетние узники концлагерей, блокадники); люди, которые жили в это время в тылу («дети войны», труженики тыла, спецпереселенцы, эвакуированные).

Объекты /цели субъектов нарративов: служение Родине, защита от врагов (для солдат), выживание в трудных жизненных условиях (для несолдат).

Отправитель /движущая сила нарративов – события Великой отечественной войны: отъезд героя на фронт, переезд в тыл (эвакуация), вынужденный переезд в Сибирь (для спецпереселенцев).

Получатель /награда субъектов – признание их действий социально одобряемыми обществом, наделение их героическими качествами, другими словами, признание подвига ветеранов и уважение к ним общества. Признание реализуется через описание заслуг героев: боевые и трудовые награды, благодарности, наличие семьи, детей и внуков, уважение на работе, приглашение рассказывать о своем участии в войне перед молодым поколением. Помощниками героев представлены ближайшее окружение (соседи, коллеги по работе), институт образования. Школа показана как место праздника, отдыха, как социальный лифт в лучшее будущее («Всюду цветы, картины, ковровые дорожки и приветливые учителя»). Идея улучшения жизни через образование прослеживается во многих биографиях героев.

Препятствиями в нарративах являются последствия военных действий (разрушения домов, голод, плен), переживания героев о будущем (неизвестность, страх перед будущим, жестокость, настороженность людей), институт государства, который насильно перемещает людей в пространстве, задает жесткие правила в повседневной жизни. Способы преодоления препятствий: переезд в другой населенный пункт, смена работы, получение образования, общие праздники.

Время в нарративах движется линейно: от начала мирной жизни через последовательное описание препятствий, которые герой преодолевает, до получения награды за жизнь (благополучная семья, внуки, успехи в работе, внимание общества к ветеранам). Пространство нарратива – переезд на другое место жительства, вызванный войной (фронт, эвакуация, лагерь спецпереселенцев), неоднократное перемещение в пространстве по территории страны, связанное с изменениями в биографии героя, чаще всего – это смена работы или смена семейного статуса (переезд в другой населенный пункт, переезд на последнее в повествовании место жительства героя). Каждый переезд обычно сопровождается улучшением в жизни героя (материального положения, новые занятия, смена социального статуса на более свободный (для вынужденных переселенцев), смена семейного статуса).

Уровень наррации понимался как стратегии структурирования событийного ряда. Линейная нарративная структура устной истории: описание места пребывания героя в мирной жизни (указание на место рождения, жительства до войны, описание занятий родителей), воспоминание о благополучной мирной жизни, война как разрушение жизни, перемещение в пространстве (на фронт, в другой населенный пункт), события во время войны (случаи на фронте или примеры выживания семей в тылу), показывающие, какие титанические усилия предпринимали герои для преодоления трудностей, события в жизни героя после войны (работа, учеба, семья и дети), боевые и трудовые награды героя, признание подвига героев обществом.

Второй вариант стратегии структурирования устной истории – нелинейный. Нелинейная нарративная структура: воспоминания рассказчика о герое (случай из жизни), рассказ о жизни героя после войны, уход героя на фронт, указание на участия в боях, на храбрость героя, возвращение с фронта, боевые награды героя, награды героя в жизни (семья, дети, ветеран).

Нарратив отражает базовые тематики доминирующего дискурса культурной памяти, воспроизводя глубинные ценности общества. Ценности в исследовании понимаются как идеальные представления о должном, о качествах и способах, необходимых при взаимодействии с людьми в повседневной жизни и институтами и организациями общества. Важно отметить, что рассказы о событиях прошлого ведутся в настоящее время, в 21 веке. И оценка событий, ценности героев в них даются с позиций современной картины мира, как у героев, так и у рассказчиков – авторов текстов.



Положительные ценности в интервью очевидцев о Великой отечественной войне: служение Отечеству (мужество, «титанические усилия», храбрость); труд («жили в достатке, потому что умели трудиться», «никто не стонал, от работы не отлынивал»); интересная работа (любовь к работе, гордость за свою работу, мастерство); семья («дружная сплоченная семья», любовь к родителям и к детям); забота об окружающих людях (доброта, отзывчивость, душевность, «делились хлебом»); честность, порядочность; оптимизм; мир («солнце, тепло, еда»); процветание России, Кузбасса; будущее как продолжение жизни в детях и внуках. Отрицательные ценности: смерть родных, соседей; борьба за выживание (голод, плен); разрушение; страдания; жестокость врагов.

Можно предположить, что в сознании рассказчиков действительно произошла переработка личных воспоминаний в коллективную историю, произошло соединение прошедшего с современным и будущим через придание событиям определенной смысловой окраски. В интервью очевидцев Великой Отечественной войны наглядно видны повторяющиеся модели социальных практик или разделенный коллективный опыт взаимодействия социальных субъектов с внешней средой. Такое знание социальных процессов прошлого, разумеется, носит неполный характер, но это не уменьшает значимости полученной информации.

Способы взаимодействия с внешней средой у рассказчиков-героев интервью однотипны. Очевидцы в своих рассказах вспоминают мирное детство, родителей, описывают жизнь до войны, которую разрушила война, вспоминают детали жизни военных лет, рассказывают, как жили после войны, где учились, кем стали. Нарративная структура интервью также не отличается разнообразием. Ценности рассказчиков отражают традиционные установки патриотической направленности в общественном мнении.

Культурная память сохраняет наиболее значимые переживания людей в прошлом, наиболее яркие смыслы и символы. В большинстве нарративов рассказчиков война описана как чудовищное страшно событие, которое разрушает благополучную мирную жизнь людей, люди сталкиваются с трудностями, которые требуют огромных усилий для их преодоления, люди побеждают трудности и получают в награду семью, работу, признание общества. Нарративы о войне все больше становятся похожи на героический миф о борьбе героя со злом. Культурная память о Великой Отечественной войне существует и транслируется как единый целостный образ, схематично и упрощенно представляющий события.

### **Список литературы**

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст]. / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Бойков, В. Э. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования [Текст]. / В. Э. Бойков, В. И. Меркушин. // Социология власти, 2002. – № 2. – С. 6-18.
3. Дугарова, Т. Ц. Этническое капсулирование: феномен исторической памяти [Электронный ресурс]. / Т. Ц. Дугарова. // Вопросы психологии

- и воспитания. – С. 109-113. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskoe-kapsulirovanie-fenomen-istoricheskoy-pamyati/viewer> (дата обращения : 6.10.2022).
4. Женетт, Ж. Повествовательный дискус [Текст]. / Ж. Женетт // Фигуры: (Работы по поэтике): пер. с фр.: в 2 кн. Кн. 2. – Москва : изд-во им. Сабашникова, 1998. – 435 с.
  5. Иванов, А. Г. Социальная мифология как развивающаяся система [Текст]. / А. Г. Иванов. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2016. – Вып. 4 (28). – С. 28-37.
  6. Коротецкая, Л. В. Холокост как социальная и культурная конструкции памяти: фактор травмы и позиция жертвы [Текст]. / Л. В. Коротецкая. // Социологические исследования, 2016. – № 3. – С. 107-117.
  7. Крокинская, О. К. Культурная память и опыт в практиках конструирования будущего обыденным сознанием [Текст]. / О. К. Крокинская. // Журнал социологии и социальной антропологии, 2016. – Том XIX. – № 4 (87). – С. 142-158.
  8. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст]. / Ю. М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 384 с.
  9. Методы анализа текста и дискурса [Текст]. / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер; пер.с англ. – Харьков : Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.
  10. Мещеркина, Е. Ю. Историческая память и политики меморизации [Текст]. / Е. Ю. Мещеркина. // Россия реформирующаяся. Ежегодник, 2005. – Вып. 5. – Москва : Институт социологии РАН, 2006. – С. 198-213.
  11. Покида, А. Н. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) [Текст]. / А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская. // Социологические исследования, 2016. – № 3. – С. 98-107.
  12. Радина, Н. К. «Культурный конформизм» автобиографического текста (На материале мужских и женских автобиографий) [Текст]. / Н. К. Радина. // Женщина в российском обществе, 2014. – № 2. – С. 36-48.
  13. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния [Текст]. / Ж. Т. Тощенко. // Новая и новейшая история, 2000. – № 4. – С. 3-14.
  14. Федоров, В. В. Криминально-правовой нарратив в телевизионном журналистском дискурсе как способ идентификации социальной реальности [Текст]. / В. В. Федоров. // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. – № 5 (360). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 94. – С. 112-118.
  15. Ярская-Смирнова, Е. Р. Нарративный анализ в социологии [Текст]. / Е. Р. Ярская-Смирнова. // Социологический журнал, 1997. – № 3. – С. 38-61.